

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ В ПОСТ-КОЛОНИАЛЬНОМ ГОНКОНГЕ

Клиновский Владимир Александрович

К.и.н., с.н.с., Институт Дальнего Востока РАН,
Москва
klyn87@mail.ru

THE PROBLEMS OF LANGUAGE REFORMS IN POST-COLONIAL HONG KONG

V. Klinovski

Summary. The article is focused on the aims and the techniques of language planning in Hong Kong from 1997 until present times. Based on the regulations, the works of researches from Hong Kong, PRC and from abroad, the article analyses the specifics of language situation in the region and exposes the main reasons of ineffective language management. The author further speculates on how language policy influences the relations between Hong Kong & Peoples' Republic of China. The article basically states that since 1997 the government of Hong Kong has not clearly realized how to achieve the goals of its language policy. The consequences of it were the uncertainty and inconsistency of actions and the deterioration of political relations with China.

Keywords: language policy, language planning, history of China, PRC, Hong Kong, international relations.

Аннотация. В статье исследуются задачи и методы языкового планирования, осуществляемого в Особом административном районе Сянган с 1997 года по настоящее время. На основе нормативных документов законодательных и исполнительных органов Гонконга, работ гонконгских, европейских и китайских ученых проведен анализ специфики Гонконга в области языковых отношений. Сформулированы ключевые проблемы, препятствующие эффективному регулированию языковой ситуации в регионе. Автором дается оценка влиянию языковых реформ на отношения Гонконга с континентальным Китаем в условиях интеграции города в Китайскую Народную Республику. На основании изученных данных выдвигается тезис о том, что правительство Гонконга с 1997 года не имело четкого плана действий по достижению поставленных целей в сфере языковой политики. Все это привело к неуверенности и непоследовательности в ее имплементации и, в конечном счете, усилило политическую рознь с континентальным Китаем.

Ключевые слова: Языковая политика, языковое планирование, история Китая, КНР, Гонконг, международные отношения.

Китайская Народная Республика, как многонациональное государство, лишь недавно сформировало устойчивый курс в области языкового планирования. Специфика страны заключается в том, что в ее состав входят фактически независимые административные образования, проводящие на подконтрольной территории собственный политический курс. К таковым относится Особый административный район Сянган, или проще Гонконг. Учитывая экономическую и культурную роль этого города в Азии, его особый и отличный от материкового Китая исторический путь и сложность языковой ситуации в нем, вопросы языковой политики в Гонконге следует рассматривать отдельно от КНР.

Актуальность проблемы языкового планирования в Гонконге обусловлена, прежде всего, резким изменением языковой ситуации, произошедшим за последние 20 лет после формального вхождения города в состав КНР. Всего за два десятилетия здесь произошел слом прочно устоявшейся за предыдущие полтора столетия билингвальной парадигмы. Английский язык начал утрачивать свои позиции, в то время как достаточно агрессивное внедрение общеупотребительного языка путунхуа вызвало культурный конфликт между носителями языков китайской группы. В течение последних лет этот конфликт неизменно продолжает нарастать.

Особый административный район Сянган, формально являясь частью Китайской Народной Республики, имеет весьма специфический статус. Несмотря на то, что Китай, согласно конституции является унитарным государством, политическая система города обладает многими характерными чертами федерализма. Более того, в отдельных сферах жизни Гонконг соответствует признакам независимого территориально-политического образования, имея собственное гражданство, собственную национальную валюту, визовый режим. Такое положение региона определяется обстоятельствами его вхождения в состав КНР. Будучи изначально переданным Великобритании в качестве колонии по Нанкинскому мирному договору после поражения Цинской империи в Первой опиумной войне 1839–1842 гг., Гонконг в 1898 году получил юридический статус территории, арендованной на 99 лет. По истечении этого срока 1 июля 1997 года город был официально возвращен британским правительством под юрисдикцию Пекина.

Однако полтора столетия британского колониального правления социально-политическая система региона развивалась в направлении, радикально отличавшемся от китайского пути. Гонконг практически не затронули события, определившие историю материкового Китая в первой половине XX века. После Второй мировой во-

йны и победы Коммунистической партии Китая в Гражданской войне 1946–1949 гг. разобщенность между ними только усилилась. Длительное отсутствие контактов с основной частью страны коренным образом изменило уклад жизни Гонконга и сформировало у его жителей совершенно иной менталитет.

К моменту присоединения региона к КНР различия в их государственном устройстве, уровне развития и качестве жизни были настолько велики, что моментальная интеграция оказалось невозможной. Поэтому согласно «Основному закону особого административного района Сянган», разработанному еще в 1992 году, политическая система региона будет сохраняться в неизменном виде на протяжении 50 лет после его формального присоединения [3]. Эта идея является составной частью концепции «одна страна — две системы», подразумевающей сосуществование в Китае регионов с разными формами государственного устройства.

Особый административный район Сянган имеет собственное законодательство. Из всех нормативно-правовых актов Китайской Народной Республики на его территорию распространяют свое действие только шесть [3]. Власти региона самостоятельно определяют внутриполитический курс, в том числе и в области языкового планирования.

Уникальность языковой ситуации Гонконга состоит в том, что сейчас на его территории практически на равных используются даже не два, а сразу три языка. Это кантонский китайский, мандаринский китайский и английский. Такая ситуация складывалась в течение длительного периода. Хотя Гонконг и считается «китайским» городом, с самого момента своего основания и до 1997 года он входил в состав Британской империи, то есть юридически являлся английским городом. Во второй половине XIX века происходило масштабное заселение Гонконга, который до английской оккупации состоял всего из нескольких рыбацких деревень. По оценкам историков, население его в 1842 году составляло всего 5000 человек. Однако к 1860 году оно выросло до 120000 человек. В дальнейшем население продолжало расти, в том числе за счет присоединения новых территорий. По результатам Второй опиумной войны к нему был присоединен полуостров Каулун, а в 1898 году — часть провинции Гуандун к северу от него, получившая название «Новые территории».

Вполне естественно, что британцы во всех колониальных владениях проводили политику лингвистического империализма, предполагавшую тотальное насаждение английского языка при игнорировании интересов коренного населения. Основанные европейцами образовательные учреждения вели преподавание только

на языке метрополии. Больше столетия китайский язык не имел в Гонконге никакого юридического статуса и английский оставался единственным официальным языком Гонконга вплоть до 1974 года. Китайский же использовался коренным населением только в сфере бытового общения. В период так называемого «позднего колониализма» взаимоотношения региона с метрополией претерпели серьезные изменения. В 1974 году, отчасти под влиянием прокоммунистических бунтов 1966–1967 годов, отчасти под влиянием общемировых тенденций к деколонизации, британская администрация издала «Постановление об официальных языках», в котором формально кантонский язык впервые был поставлен в равное с английским положение. Несмотря на это, фактически до середины 1990-х годов рабочим языком всех органов власти и правоохранительных структур оставался английский.

Ситуация стала коренным образом меняться в 1990 году, когда между китайской и английской сторонами была согласована процедура передачи контроля над регионом. Центральным народным правительством КНР был одобрен проект «Основного закона особого административного района Сянган», который до сегодняшнего дня является для Гонконга чем-то вроде конституции. Статья 9 этого закона устанавливает, что «органы законодательной, исполнительной и судебной власти особого административного района могут помимо китайского использовать в работе английский язык» [3].

В 1995 году, накануне присоединения к КНР власти города объявили о том, что основой языковой политики в новый исторический период будет сохранение двух видов письменности и трех разговорных языков [13]. Первое означает использование одновременно китайской и английской письменности на официальном уровне. Второе же подразумевает сосуществование в регионе трех языков устного общения: к английскому и кантонскому теперь добавлялся общеупотребительный китайский (кит. 普通话—пу тун хуа), в основе которого лежит северный мандаринский язык, и который является де-факто государственным языком в КНР. В Гонконге ранее этот язык распространения не имел. Для языковой ситуации Гонконга этот момент был переломным. Юридически власти обязаны были закрепить за путунхуа официальный статус, однако и у властей, и у рядового населения имелись серьезные опасения, что его распространение приведет к деградации и постепенному выводу из употребления кантонского китайского языка. Повод для таких опасений был. К тому моменту в южных районах КНР уже отчетливо наблюдались негативные последствия агрессивной языковой политики Пекина. Это, в том числе, подмена местных языков и диалектов мандаринским китайским в различных сферах жизни и средствах массовой информации, их пиджинизация, то есть смешение

орфографических, грамматических норм и лексического состава с мандаринским, запрет на использование диалектов в качестве языка обучения в ВУЗах и другое [17]. Следствием всего этого было сокращение числа носителей южных языков китайской группы. Предотвращение постепенного исчезновения кантонского языка после вхождения города в состав КНР было для тогдашней администрации важной задачей. Властям необходимо было найти баланс между распространением путунхуа и сохранением и развитием исконного языка в Гонконге.

Другим, не менее важным направлением языковой политики стало регулирование статуса английского языка. С 1 июля 1997 года он формально перестал быть государственным, так как государственная принадлежность города поменялась. Однако на тот момент Гонконг являлся одним из мировых финансовых центров. На его территории располагались крупнейшие в Азии банки, штаб-квартиры транснациональных корпораций, торговые площадки. Город поддерживал тесные связи с большинством развитых стран. Без английского языка развитие региона было невозможно. Поэтому, несмотря на новые реалии, уровень владения английским языком необходимо было сохранить. При этом органам власти, ранее широко использовавшим в работе английский язык, было предписано переходить на китайский.

Таким образом, в качестве двух основных задач языковой политики администрации Гонконга с 1997 года можно обозначить следующие:

- ◆ распространение путунхуа в качестве нового официального языка с минимальным ущербом для кантонского;
- ◆ замещение английского языка китайским в работе органов власти при сохранении уровня владения английским.

Решение этих задач требовало компромисса, найти который удалось не сразу.

Статус языков в современном Гонконге с юридической точки зрения представляется весьма размытым. Здесь следует отметить, что в правовом поле между КНР и Гонконгом существуют серьезные различия. Дело в том, что они, в виду исторических причин, относятся к различным правовым семьям. В то время как Китайская Народная Республика применяет кодифицированное законодательство, в Гонконге глубоко укоренились традиции англо-саксонского общего права, заимствованного из Великобритании. Кодифицированное право там представлено лишь ограниченным набором статутов, поэтому наблюдается серьезный недостаток нормативного регулирования языковых отношений. Нормы, регулирующие использование языков в официальной сфере содержатся в «Основном законе ОАР Сянган».

Во-первых, это уже приведенная выше статья 9. Во-вторых, статья 136, которая устанавливает, что: «На основе ранее существовавшей системы образования правительство ОАР Сянган самостоятельно разрабатывает политику по улучшению и развитию образования, определяет методы управления, языки обучения...» В остальном же политика в отношении статуса и использования языков находит отражение только в подзаконных актах исполнительных органов власти.

В 1997 году в процессе присоединения Гонконга, была начата реформа в сфере начального и среднего образования. Ее основной целью было перевести преподавание в школах с английского языка на китайский. 22 марта было объявлено, что с нового учебного года только 100 из 460 работавших на тот момент средних школ города смогут использовать английский язык в качестве языка обучения. Причем за нарушение этого распоряжения руководителями учебных заведений предполагался штраф в размере до 25000 долларов, и даже тюремное заключение [11].

С целью контроля над языковой ситуацией и соблюдением новых постановлений в правительстве региона был создан специальный орган — Отдел официальных языков при Бюро госслужбы в составе правительственного секретариата. К задачам этого органа относится следующее: «создавать институциональные механизмы для использования официальных языков органами власти, устанавливать руководящие принципы, анализировать языковую практику в государственных органах, вносить предложения в адрес бюро и министерств относительно этой практики... следить за реализацией государственной языковой политики в государственных органах» [9].

Высшим представительным органом власти Особого административного района Сянган является Законодательное собрание. В соответствии с требованиями, все заседания этого органа и принимаемые им документы должны переводиться. Сами обсуждения проходят на кантонском языке, при этом обязательным является их синхронный перевод на английский. Однако в действительности по прошествии 10–15 лет практика синхронного перевода сошла на нет, и все обсуждения и дебаты проводятся только на кантонском. Официальный путунхуа в гонконгском парламенте практически не используется [6]. На двух языках составляются протоколы заседаний и все официальные документы, принятые на них. За письменный перевод отвечает специальный орган — Отдел устного и письменного перевода Секретариата Законодательного собрания. Причем известно, что около 80% проектов всех документов в Законодательном собрании составляются изначально именно на английском языке, а уже за тем переводятся на кантонский. То есть, по умолчанию, органы законодатель-

ной власти используют английский, как рабочий язык при составлении документации, а китайский — как язык для дискуссий.

Что касается судебной власти и правоохранительных органов, здесь влияние английского языка еще сильнее. В 1998 году правительством был создан «Комитет по проблемам двуязычного законодательства», который должен был способствовать скорейшему переходу правоохранительных органов на новый языковой стандарт. На официальном сайте Министерства юстиции Гонконга зафиксировано, что «и английский, и китайский в равной степени могут использоваться в правовой сфере» [8].

Реализация проекта по созданию двуязычного законодательства в Гонконге столкнулась с несколькими очень серьезными проблемами. Прежде всего, все без исключения законы Гонконга, издававшиеся до 1990-х годов, писались только на английском языке. Еще в 1989 году стартовала правительственная программа по переводу всех действовавших на тот момент статутов с английского на китайский язык. В результате длительной, кропотливой работы к концу прошлого десятилетия все статутное право региона стало двуязычным [15].

Гораздо сложнее обстоит дело в сфере общего права. Как уже было сказано, право Гонконга, будучи частью англо-саксонской правовой семьи, является прецедентным. На протяжении десятилетий суды создавали новые и новые прецеденты, фиксировавшиеся исключительно на английском языке. Параллельно шло периодическое заимствование норм общего права из других стран Британского содружества. К моменту вхождения города в состав КНР, существовали сотни тысяч прецедентов, перевести которые на китайский язык просто не представлялось возможным. Поэтому на китайский преимущественно переводятся нормы, вступившие в силу после 1997 года.

Еще одна проблема в этой сфере — язык судопроизводства. Поскольку длительное время оно велось только на английском, и до 1970-х годов судьями в Гонконге могли быть почти исключительно лица английской национальности, использование этого языка стало своеобразной «традицией» в судах различных уровней. Иначе говоря, он воспринимался в народе как «язык правосудия». В июле 1995 года в статью 5 «Положения об официальных языках» была внесена поправка, которая разрешала судам использовать в работе как английский, так и китайский языки, если суд сочтет это необходимым. Эта поправка также наделяла участников процесса правом использовать любой удобный им язык, при этом суды были обязаны обеспечить их переводчиками. Высшие органы судебной власти получили полномочия по регулированию использования китайского языка в судах низ-

ших инстанций. В декабре 1995 года в Верховном суде впервые было проведено слушание по гражданскому делу на путунхуа, а в августе 1997-го, уже после присоединения, слушание по уголовному делу впервые было проведено на кантонском [5]. Однако оба этих процесса носили показательный характер, и в дальнейшем китайский язык не сумел полностью заменить английский.

Гонконгский исследователь Нго Квайхан в своей работе «Общее право на двух языках: язык и закон в пост-колониальном Гонконге», изданной в 2009 году, выявляет несоответствие реального положения дел в судах действующим законодательным установкам. С тех пор как в 1989 году было издано первое судебное постановление на двух языках, правительство проводило для судей всех уровней курсы повышения квалификации, сутью которых было обучение проведению заседаний и ведению протокола на китайском языке. В теории суды должны использовать в производстве и китайский, и английский язык. Однако использование китайского языка характерно только для судов первой инстанции, где в процессе принимают самое активное участие все заинтересованные лица. Языковой протокол здесь достаточно сложный. Например, кантонский язык используется для опроса свидетелей. На нем также предъявляются доказательства. Путунхуа используется только в случае, если одна из сторон представляет континентальный Китай. А при обсуждении решения и толковании правовых норм судом используется английский язык. В судах же апелляционной и надзорной инстанций китайский вообще используется крайне редко. Верховный апелляционный суд Гонконга в работе пользуется почти исключительно английским языком. То есть, чем выше инстанция, тем реже используется китайский язык [14]. Последние наблюдения показывают, что и в настоящее время проблема эта до конца не решена. Несмотря на политику двуязычия, в органах различных ветвей власти Гонконга отчетливо наблюдается дисбаланс в использовании английского и китайского языков.

Вместе с тем, в последние годы все большее давление языковое сообщество Гонконга начинает ощущать со стороны мандаринского китайского языка, который по мере интеграции региона активно проникает во все сферы жизни. Проблема взаимоотношений кантонского и мандаринского языков с самого начала привлекала значительно большее внимание исследователей, нежели судьба некогда государственного английского. В КНР кантонский официально считается диалектом китайского языка, наряду с такими южными языками, как хакка, или хоккьен. Такая позиция пекинских властей имеет под собой серьезные политические и идеологические основания и является совершенно бескомпромиссной [18]. Однако еще накануне присоединения Гонконга лингвисты писали о недопустимости применения ша-

блонов языковой политики Компартии Китая к Гонконгу, опасаясь, что это может вызвать конфликт. В силу особого исторического пути этого региона, «кантонский язык здесь — это нечто гораздо большее, чем кажется на первый взгляд, его нельзя просто смести в сторону, как какой-то местный говор» [16]. И как показала практика, за прошедшие с того момента 20 лет такая политика действительно привела к значительному росту напряженности. Мандаринский китайский начал свою экспансию в Гонконг одновременно с тем, как туда вошел китайский бизнес. А развитие туризма в КНР, особенно в последние несколько лет, привело к значительной «мандаринизации» в области сервиса. При этом трудно отрицать тот факт, что Гонконг является крупнейшим и наиболее развитым кантоноязычным городом, иначе говоря, мировой столицей кантонского языка. Вполне естественно, что коренное население воспринимает политику Пекина как намеренную языковую ассимиляцию.

Показательным примером в этом вопросе является город Гуанчжоу, административный центр провинции Гуандун, из состава которой в свое время и был выделен Гонконг. Еще со средних веков и вплоть до середины XX века именно Гуанчжоу был главным кантоноязычным городом Китая. Однако, находясь в составе КНР, он подвергся сильнейшей «мандаринизации» в 1990-е и особенно 2000-е годы. С 2001 года все образование на территории КНР было переведено на общеупотребительный язык путунхуа. Закон КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» практически никак не регулирует статус «диалектов». Из-за этого южные языки китайской группы оказались беззащитны против ассимиляции. Политика же Пекина в отношении внутренних миграций привела к тому, что к 2010 году только половина жителей Гуанчжоу являлись коренными. Из 12 миллионов человек, около 6 были мигрантами из других районов страны. В результате в последующие годы и к настоящему времени кантонский перестал быть доминирующим языком Гуанчжоу [10]. Имея рядом подобный пример, жители Гонконга понимают, что их город, рано или поздно, ждет то же самое.

О полном переходе органов власти Особого административного района с кантонского языка на мандаринский пока что речь не идет. Однако уже сейчас понятно, что это произойдет, в крайнем случае, после 2047 года, когда Гонконг в соответствии со своим Основным законом полностью утратит автономию.

С 1998 года путунхуа был введен в качестве обязательного предмета в школах Гонконга, где он изучался долгое время как второй иностранный язык во всех 6 классах начальной школы, а также с 1 по 3 классы средней школы. В 2008 году правительство выделило из бюджета 200 миллионов гонконгских долларов на ре-

ализацию программы по переходу на преподавание родного языка посредством путунхуа. Количество школ, затронутых этим нововведением, неуклонно возрастало в течении последующих лет. В обществе наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, родители школьников, видя перспективы изучения путунхуа, сознательно выбирали для детей школы, в которых преподавание велось на нем; с другой — росло недовольство его быстрым распространением среди сторонников сохранения аутентичной локальной культуры.

К 2015 году предмет «родной язык» преподавался на путунхуа почти в $\frac{3}{4}$ всех начальных школ Гонконга, а также примерно в 35% средних школ. Стоит отметить, что эту ситуацию нельзя списать просто на политику пропекинского правительства, насаждающего общеупотребительный язык без учета интереса граждан. Такое в Гонконге было бы затруднительно. Так, в 2010 году уже был прецедент, когда Бюро образования приняло так называемую программу «Коррекции языковой политики в средней школе». В рамках этой программы школам было разрешено самостоятельно определять язык преподавания учебных дисциплин [7]. Ранее большинство школ были обязаны учить на китайском, отказавшись от английского. Это вызвало резкий рост конкурса на поступление в немногочисленные школы с английским языком обучения и волну протестов родителей учеников. Объединяясь в группы, они неоднократно подавали петиции с требованием пересмотреть данную политику. В результате через 12 лет под давлением общественности право преподавания на английском языке было возвращено средним школам. Таким образом, в вопросах образовательной политики мнение граждан в этот период было очень весомым. Поэтому следует полагать, что если количество школ с преподаванием китайского языка на путунхуа так резко возросло, значит на это существовал реальный спрос.

К проблеме культурной интеграции с КНР гонконгская общественность оказалась более чувствительна. Усиление давления на социально-политическую систему Гонконга со стороны Пекина привело к тому, что распространение мандаринского языка в регионе стало восприниматься многими как часть политики по целенаправленному уничтожению гонконгской культурной идентичности.

Серьезным испытанием для отношений сторон стал знаменитый «телевизионный скандал», произошедший в городе Гуанчжоу летом 2010 года. В начале июля Гуанчжоуский комитет Коммунистической партии Китая внес официальное предложение увеличить в сетке вещания регионального телевидения количество программ на мандаринском языке, в частности перевести на путунхуа все передачи, выходящие в прайм-тайм. Это

предложение вызвало большой общественный резонанс. 25 июля в Гуанчжоу в районе Цзяннаньши прошла акция протеста, в которой приняли участие 10 000 человек. Это была на тот момент самая массовая в Китае демонстрация носителей региональных языков против распространения путунхуа. 1 августа около 3000 человек собрались на аналогичную акцию в районе Народного парка города Гуанчжоу. В этот раз она закончилась арестом 20 человек. Не ожидавший такого сопротивления со стороны общественности партийный комитет впоследствии вынужден был отозвать предложение, так как никто в руководстве страны не желал скандала накануне «Азиатских игр 2010», которые должны были пройти в Гуанчжоу в ноябре. Эта акция получила широкое освещение в гонконгской прессе. Одновременно с ней в городе было проведено несколько митингов в поддержку кантоноязычного населения Гуанчжоу, с которыми жители Гонконга в своей оценке событий продемонстрировали солидарность.

2012 год стал для отношений КНР и Гонконга еще более тяжелым. В воскресенье 1 июля¹ состоялось празднование 15-летия со дня вхождения Гонконга в состав КНР. Одновременно с этим прошла церемония инаугурации нового главы администрации Гонконга Лян Чженьина, на которой лично присутствовал председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао. Лян Чженьин был крайне непопулярен среди населения, поскольку считался прокитайским кандидатом, и, по мнению общественности, выиграл выборы при помощи КПК. Дополнительным раздражителем для граждан стало то, что церемония впервые была проведена полностью на мандаринском языке. После ее окончания на улицах города начались массовые несанкционированные акции протеста. По оценкам журналистов в протестах участвовало около 400 тысяч граждан. Наряду с обвинениями нового главы администрации в подтасовке результатов выборов, активисты выражали негодование по поводу того, что если они должны слушать присягу «главы, которого

они даже не выбирали, то он мог хотя бы принести ее на родном языке» [12]. Протесты с перерывами длились до 9 сентября того же года, когда власти официально объявили, что не собираются сиюминутно проводить в жизнь данную инициативу.

Ситуация еще больше усугубилась после событий 2014 года, получивших неофициальное название «революция зонтиков». Самая массовая в современной истории Гонконга серия уличных протестов против вмешательства КПК в политическую жизнь региона формально «объявила» всему миру о том, что местное население не желает интегрироваться в политическую систему Китая на предлагаемых Пекином условиях и, в какой-то мере, не считает себя частью КНР. Неотъемлемой частью противостояния двух культур с тех пор стала тема постепенного замещения кантонского языка общеупотребительным мандаринским.

Таким образом, результатом политики администрации Гонконга стало значительное изменение языковой картины региона. Согласно недавним исследованиям, доля владеющих путунхуа среди населения города за 20 лет, прошедших с момента воссоединения Гонконга с Китаем, резко увеличилась [4]. Причем увеличение идет в основном за счет молодого поколения, изучающего путунхуа в школах, и мигрантов из континентального Китая. Английский язык перестал быть государственным, однако фактически остается рабочим языком многих органов власти и сохраняет свой престиж. При этом негативным последствием реформ стал культурный антагонизм носителей кантонского и мандаринского языков, выражающийся в том, что распространение путунхуа стало восприниматься жителями Гонконга как инструмент политики Пекина по целенаправленному уничтожению гонконгской идентичности. Последствия такого антагонизма неизбежно будут проявляться в самое ближайшее время и станут дополнительной проблемой в отношениях сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. 姚亚平. 中国语言规划研究 [The Research of the Standardization of language in China]. – 北京, 2006(in Chinese)
2. 叶竹钧. 论香港“两文三语”政策的发展趋势 [The tendencies of “Biliteracy & Trilingualism” Policy in Hong Kong] // 广州市语言文字网. — 2011(in Chinese) URL: <http://yw.gzjkw.net/show.asp?id=1354> (дата обращения: 12.03.2018)
3. 中华人民共和国香港特别行政区基本法 [The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region] // 新编中华人民共和国法律法规全书, 2017 (in Chinese)
4. Bacon-Shone John, Bolton Kingsley, Luke K. K. Language Use, Proficiency and Attitudes in Hong Kong. — Hong Kong, 2015.
5. Cheung Anne. Language rights and the Hong Kong courts // Hong Kong Journal of Applied Linguistics 2,2. — 1997. p. 49–75.
6. Evans Stephen. The decline and fall of English in Hong Kong's Legislative Council // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2014, v. 35, no. 5. p. 479–496

¹ Само слово «кантонский» происходит от европеизированного варианта названия провинции Гуандун.

7. Fung Dennis, Ma Maggie. The Changes of Language Policies in Hong Kong Education in the Post-Colonial Era// International Conference on Education, Applied Sciences and Management. — Dubai, 2012. p. 138–140
8. HKSAR Government Department of Justice website. URL: <https://www.doj.gov.hk/eng/legal/> (дата обращения: 25.02.2018)
9. HKSAR Government Languages Division official website. URL: <http://www.csb.gov.hk/english/aboutus/org/scsd/1470.html> (дата обращения: 25.02.2018)
10. He Huifeng. Cantonese faces fresh threat in its birthplace//South China Morning Post. — July 7, 2010: 1.
11. Kwok Shirley. New rule will halve schools using English//South China Morning Post. March 22, 1997: 7.
12. Lai Alexis. Thousands protest Hong Kong's China-fication. CNNJuly 2, 2012 URL: <https://edition.cnn.com/2012/07/02/world/asia/hong-kong-handover-protests/index.html>(дата обращения: 12.03.2018)
13. Liyan, Hu. Language Policy, Practice and Diglossia in Colonial and Post-Colonial Hong Kong//The Annual of Language & Politics and Politics of Identity. 2007, p. 85–94
14. Ng Kwai Hang. The common law in two voices: Language, law, and the postcolonial dilemma in Hong Kong.— Stanford, 2009.
15. Poon Anita Y. K. Language policy of Hong Kong: Its impact on language education and language use in post-handover Hong Kong//Journal of Taiwan Normal University: Humanities & Social Sciences. — 2004/49(1). p 53–74
16. Sin King Kui, Derek Roebuck. Language engineering for legal transplation: Conceptual problems in creating common law Chinese//Language and Communication.— 1996/16. p. 235–254
17. Клиновский В. А. Планирование развития диалектов китайского языка в КНР во второй половине XX века и его основные методы//Вестник Бурятского Государственного Университета. Улан-Удэ, 2012/8. С. 169–174
18. Клиновский В. А. Идеиные основы политики КНР в отношении диалектов китайского языка//BaikalResearchJournal. — 2012/2.

© Клиновский Владимир Александрович (klyn87@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская академия наук